

Увлекательная история... [ремесла], которое предшествовало возникновению самой цивилизации и сделало возможной ее становление.

New York Times Book Review

Ни один древний автор не удосуживался подробно описывать процесс изготовления ткани... Но теперь, к счастью, у этого са­мо­бытнейшего женского занятия есть свой внимательный и авторитетный хронист в лице Элизабет Уэйленд Барбер... Увлекательное и познавательное исследование.

Мэри Р. Лефкович, New York Review of Books

Ее научные познания энергичны, обширны и глубоки... Элизабет Барбер столь же эрудирована и проникательна, как любой другой археолог-писатель... Ее тема удивительно актуальна.

Филип Моррисон, Scientific American

Неизменное очарование ее книги заключается в том, как мисс Барбер сплетает нити мифологии, литературы, археологии, этнологии и документальной истории в богатое полотно. «Связанные одной нитью» — настоящее удовольствие для чтения... Сохранилось достаточно фактов о реальной истории женского труда и его месте в обществе в ранние времена, и в умелых руках Элизабет Уэйленд Барбер они создают захватывающую историю.

Джон Нобл Уилфорд, New York Times Book Review

[Работа Барбер] — важный вклад в изучение женского труда как с точки зрения исторического материала, так и с точки зрения его интерпретации.

Kirkus Reviews

В этом прекрасно иллюстрированном исследовании Барбер открывает важную главу в истории цивилизации... Она освещает меняющийся социальный статус женщин как мастериц тканей и одежды.

Publishers Weekly

ЭЛИЗАБЕТ УЭЙЛЕНД БАРБЕР

СВЯЗАННЫЕ ОДНОЙ НИТЬЮ

ЖЕНЩИНЫ, ТКАНЬ И ОБЩЕСТВО
В ДРЕВНЕМ МИРЕ. **ПЕРВЫЕ 20 000 ЛЕТ**

УДК 94(3) + 903.04

ББК 63.3(0)

Б24

Elizabeth Wayland Barber

WOMEN'S WORK

The First 20,000 Years. Women, Cloth, and Society in Early Times

Перевод с английского Елизаветы Олейник

Благодарим Валерия Иванова, кандидата исторических наук,
за ценные комментарии и дополнения

Барбер Э. У.

Б24 Связанные одной нитью: Женщины, ткань и общество в Древнем мире. Первые 20 000 лет / Элизабет Уэйленд Барбер; [пер. с англ. Е. Олейник]. — М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с. ; ил.

ISBN 978-5-389-29030-3

20 000 лет назад женщина создает свое первое изделие из волокон, и с этого момента начинается история ткани. Елена Троянская вышивает на пурпуре подвиги троянцев, а Пенелопа создает полотно днем и распускает ночью, чтобы обмануть претендующих на ее руку женихов. Медя прошивает ткани кровью дракона, чтобы расправиться с соперницей, ассирийские женщины приобретают шерсть и ведут дела, а египетские фрески изображают женщин за веретеном. На протяжении многих столетий они ткали и пряли, стригли овец и обрабатывали лен, скручивали нити и шили. Узор на тунике или платье стал символом социального статуса и богатства.

Исследуя древнейшие изделия из ткани – простые накидки каменного века и шумерские туники, причудливые минойские платья и пурпур римских императоров, – выдающийся историк Элизабет Барбер искусно переплетает сюжетные нити и помещает историю женщин и женского труда на историческую канву. В этой книге, впервые опубликованной 30 лет назад и ставшей классикой, на передний план выходит повседневная жизнь женщин через ткань – ткань, которую они пряли, шили и носили.

УДК 94(3) + 903.04

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-389-29030-3

© Elizabeth Wayland Barber, 1994, 2024,

© Олейник Е., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

КоЛибри®

◆ предисловие ◆

Около 20 тысяч лет назад люди Европы кое-где начали вырезать маленькие статуэтки полных женщин. Большинство этих палеолитических Венер изображены обнаженными. Но некоторые фигуры — с повязкой на бедрах, похожей на низко посаженный пояс, а у других на этом поясе держится «юбка», состоящая из свисающих с пояса переплетенных веревок. Иногда веревки свисают спереди, как скромный передник, а иногда сзади, ниже ягодиц. Как бы то ни было, эти веревочные юбки, которые почти ничего не скрывают, могут оказаться одними из первых когда-либо созданных предметов одежды.

Ярко помню, как меня захватила трагедия Элизабет Уэйленд Барбер «революции нитей» в ее книге «Связанные одной нитью», когда та была впервые опубликована 30 лет назад. Как историк моды, я рассматриваю и материалы, относящиеся к другим дисциплинам, таким как археология или антропология. Разве я была в силах устоять перед информацией, которая потенциально могла пролить свет на происхождение одежды? Также я была счастлива узнать больше о роли женщин в производстве ткани и одежды, особенно в свете того, что недавно написала

книгу «Женщины и мода: дизайнеры XX века» (*Women of Fashion: 20th-Century Designers*), где рассказывала, как мужчины добивались лидирующей роли в моде и дизайне. Привыкшая к тому, что мода часто воспринимается как нечто легкомысленное, я была благодарна Барбер за представленные доказательства того, что увлечение женщин тканью и одеждой далеко не было пустяковым. Полагаю, многие другие исследователи одежды почувствовали то же самое.

Книга Барбер была сразу же признана «захватывающей» (*New York Times Book Review*) и «потрясающе оригинальной» (*Washington Post*) в ряде научных и популярных изданий благодаря тому, как она связала древнюю историю, археологию, этнологию, лингвистику, литературу и мифологию, а также благодаря креативности и новизне подхода автора.

Профессор археологии и лингвистики, обладательница докторской степени Йельского университета, Элизабет Уэйленд Барбер унаследовала от матери практические знания в области текстильных ремесел, таких как прядение и ткачество. Благодаря этим умениям в сочетании с междисциплинарным научным подходом она смогла не только понять, как в древности люди изготавливали нити, ткани и одежду, но и исследовать, почему эта деятельность стала — и надолго осталась — женским делом. Тем самым Барбер помогла восполнить два из самых белых пятен в истории. До ее глубокого погружения в мир древних тканей эта тема попросту игнорировалась поколениями археологов.

Отчасти причиной была нехватка доказательств: хотя на археологических раскопках часто находят иглы и бусы, сами ткани сохраняются плохо, от них почти ничего не остается. В некоторых случаях археологи даже выбрасывали обнаруженные на местах раскопок лоскутки древней материи. Тем не менее Барбер настолько

заинтересовалась, что решила посвятить несколько недель изучению «жалких останков древних тканей», как она их называла. В результате она посвятила этой теме всю жизнь — и по ходу своих исследований открыла целый пласт знаний о женщинах в древности.

Как только она закончила работу над книгой «Доисторические ткани: развитие материи и одежды в неолите и бронзовом веке», на которую ушло 17 лет, муж Барбер, Пол, сказал: «Теперь тебе нужно написать другую книгу». — «Какую еще другую?» — удивилась она. — «Ту, что о женщинах».

История женщин всегда была непростым полем для исследований: вплоть до недавнего времени женщины почти не оставляли письменных свидетельств. Их современники-мужчины тоже редко описывали повседневную жизнь обычных женщин. Даже историки чаще обращались к фигурам выдающихся женщин, не осознавая, насколько выдающимися могли быть мастерицы древности.

Барбер смотрела на все свежим взглядом и умела по-новому складывать разрозненные факты. Так, тщательно изучив археологические данные, она заметила, что мастер, вырезавший Венеру из Леспюга (Франция), не просто изобразил скручивание каждой веревки в ее «юбке», но и то, как эти веревки внизу «распушаются в пучки нескрученных волокон». На этом основании Барбер сделала вывод, что использовавшиеся тогда нити были не «ремешками из сухожилий или кожи», а настоящими скрученными волокнами. На тот момент самая древняя из известных сохранившихся веревок, возрастом около 17 тысяч лет, была найдена в окаменевшем виде в одной из расписанных пещер Ласко, во Франции. Выходит, еще до аграрной революции люди уже умели прясть нити из диких растительных волокон, чтобы делать веревки.

Веревочные юбки продолжали изготавливать и в бронзовом веке. Более того, они до сих пор встречаются

в южно-центральной и восточной Европе как элемент женского народного костюма, что Барбер определила благодаря знаниям в области этнографии и давней любви к народным танцам. Она даже примерила македонский костюм с бахромчатым передником и длинным украшенным поясом — поздними формами все той же веревочной юбки — и описала, что чувствует, когда танцует по комнате, а бахрома колышется в движении. Женщина-ученый — блестящая, живая, харизматичная!

Барбер обращалась также к литературе и мифам, чтобы подчеркнуть, насколько искусным делом было ткачество даже в глубокой древности. В одном из известных мифов смертная Арахна похвасталась, что ткёт лучше самой Афины — богини мудрости и покровительницы ремесел — и вызвала ее на состязание. Согласно Овидию, Арахна соткала полотно с разоблачительными историями: о том, как боги соблазняли и насиловали смертных женщин. Афина же соткала другую картину — с образами людей, потерпевших поражение в спорах с богами. Победив, Афина превращает Арахну в паучиху.

Барбер поразительно эрудирована и пишет с увлечением о самых разных темах — от техник прядения и свойств различных волокон (лен, шерсть, шелк) до типов ткацких станков (поясной, вертикальный, горизонтальный). Даже в сугубо технических деталях она находит повод для маленькой увлекательной лекции. В книге есть главы, посвященные и символическому значению ткани и одежды в обществе, и развитию текстильной промышленности в городах, и торговле.

Поскольку книга оказала столь глубокое влияние на наши представления о женщинах и текстиле, читателю современному, возможно, трудно понять тот почти физический трепет, который испытывали первые читатели книги. И все же эта история до сих пор эмоционально

ПРЕДИСЛОВИЕ

и интеллектуально захватывает — благодаря живым человеческим деталям. А еще — поскольку книга основана на вдумчивой интерпретации множества типов источников — она почти не утратила актуальности. Некоторые вопросы до сих пор вызывают споры: не все, например, убеждены, что Венера Милосская изначально изображалась с прялкой. Но Барбер всегда четко дает понять, где она строит догадку, а где опирается на конкретные факты. Она действительно доказала, что женщины древности могли ткать сложные узоры, проделав это сама, используя только те инструменты, которые были доступны в ту эпоху.

В области истории костюма Барбер проложила путь к современному подходу, в котором создание вещей своими руками стало способом познания. Ее бесценные исследования текстиля Древней Греции, Крита, Египта и Ближнего Востока вдохновили археологов по всему миру внимательнее вглядываться в древние ткани и в то, что этот материал может рассказать о своих создателях. И везде, куда бы они ни посмотрели, прядение и ткачество оказываются в первую очередь женским трудом.

Валери Стил

● ВСТУПЛЕНИЕ ●

Моя мать любила ткать и шить, так что с детства я была окружена необычными тканями и рано научилась самостоятельно обращаться с иглой и ткацким станком. Я постоянно обращала внимание на форму, цвет и фактуру тканей. У текстиля есть особая структура перекрестного переплетения, которая определяет, какие узоры будет легко и естественно ткать, а какие — сложно. Позже, когда я начала изучать археологию Средиземноморья классической и бронзовой эпох в колледже, мне вскоре стали бросаться в глаза орнаменты на устойчивых материалах — керамике, стенах, — которые выглядели так, будто были заимствованы из традиционных ткацких узоров. Но когда я делилась этими наблюдениями с археологами, они отвечали, что в такую раннюю эпоху люди просто не могли обладать техникой, позволяющей ткать столь сложные узоры. С этим было трудно поспорить: за редким исключением, почти никакие ткани не сохранились до нас с древних времен, разве что из Египта, где, впрочем, люди обычно носили простую белую льняную одежду.

Но меня невозможно было переубедить, поэтому я решила посвятить две недели поискам данных, чтобы

выяснить, насколько развитой была ткацкая технология в те времена — могли ли тогдашние мастера создавать сложные декоративные ткани. Я рассчитывала оформить результаты в небольшую статью — страниц десять — с осторожным предположением, что ученым стоило хотя бы рассмотреть возможность существования ранней текстильной индустрии.

Но стоило мне начать поиски, как данные о древних тканях буквально повсюду начали попадаться мне на глаза — оставалось только собрать их. Уже к концу первых двух недель я поняла, что на то, чтобы отследить и систематизировать все найденные зацепки, мне понадобится как минимум один-два года исследований. И что я, вероятно, напишу не десятистраничную статью, а монографию страниц на шестьдесят. А спустя еще два года стало ясно: впереди меня ждет книга на двести страниц. Та самая «маленькая книжка» превратилась в исследовательский проект, занявший 17 лет и завершившийся 450-страничным трудом, охватывающим куда более широкий регион и период, чем я когда-либо предполагала. Наконец она вышла в свет в 1991 году под названием «Доисторические ткани» в издательстве Принстонского университета.

В той книге я сознательно сосредоточилась исключительно на истории и развитии ремесла, и, как оказалось, это было более чем масштабной задачей. Однако на всем протяжении работы мне раз за разом попадались поразительные детали, касающиеся женщин — а это почти всегда были именно женщины, — создававших ткани, и того, как разные общества воспринимали как их труд, так и самих мастериц. Когда я рассказывала о своей работе, слушатели с особым интересом ловили именно такие фрагменты — истории, приоткрывающие жизнь женщин тысячелетия назад. Меня все чаще уговаривали написать вторую книгу — уже об экономике и социальной стороне древнего

текстиля, а по сути — о самих женщинах, которые ткали ткани и создавали одежду.

Однажды подруга попросила меня прочесть ее незавершенный перевод мемуаров Надежды Дуровой — женщины, которая провела десять лет, переодевшись мужчиной, в кавалерии царской армии во время Наполеоновских войн. Вместо подробного перечисления кампаний, построений и тактик Дурова посвятила все свои воспоминания описанию повседневной жизни: как она и ее сослуживцы взаимодействовали с лошадьми, гусями, друг с другом, с погодой, с местными жителями, у которых они квартировали. Я обычно не особенно люблю читать исторические книги, но эта была иной. Я с нетерпением ждала каждую новую главу. Постепенно я поняла, что увлекло меня в этом тексте больше всего — это живые, подлинные детали быта, мимолетные, но яркие картины повседневной жизни реальных людей. И тогда я по-новому посмотрела на материалы, с которыми работала сама. (Эта книга впоследствии вышла под названием «Записки кавалерист-девицы» в переводе Мэри Флеминг Зирин, Bloomington: Indiana University Press, 1988.)

Так я попыталась исследовать и собрать все, что можно достоверно установить о женщинах древности — их жизни, труде, ценностях, — главным образом опираясь на технологические следы одного из немногих по-настоящему изученных «женских» продуктов — текстиля. Я уделила внимание и языку, ведь он, в отличие от устных сообщений, исчезающих в момент произнесения, удивительно живуч. Иногда именно язык сохраняет следы более абстрактной, умственной стороны человеческого прошлого — того, чего не скажут нам материальные артефакты.

Возможно, самое важное, чего *нет* в этой книге, — это художественной выдумки. Романтики с удовольствием предают голливудским историям об Оге и Уне, ворчащих

ВСТУПЛЕНИЕ

у костра рядом с коренастым, волосатым, сутулым палеолитическим дикарем, который только что притащил их за волосы из соседней пещеры. Идеалисты с восторгом рисуют себе розовые утопии неолитической эпохи — время до войн, когда женщины, полностью слитые с пульсом Матери-Земли, управляли миром. Все это, конечно, забавно. Но я спрашиваю: а как все было на самом деле? Какие у нас есть надежные доказательства того, что мы хотим знать о жизни женщин? Отсутствие свидетельств означает отсутствие реального знания.

По сравнению с бесконечным числом наших вопросов объем того, что мы действительно знаем, невелик. И как бы мы ни совершенствовались в умении находить следы, если мы стремимся к реальности, нам остается только довольствоваться обрывками фактов, которыми мы располагаем. Я не выдумывала ответы лишь ради того, чтобы «заполнить пробелы», как это делает сценарист. Но мы знаем куда больше, чем принято думать, гораздо больше, чем попало в популярную литературу о женской истории. На этих страницах вы встретите подлинные образы женщин самых разных сословий: крестьянок, предпринимательниц, цариц, рабынь, честных и лукавых, знатных и простых. И при всей чуждости их культур, в них удивительно легко узнается что-то близкое, человеческое, что-то от нас с вами.

◆ ВВЕДЕНИЕ ◆

«Четыре, три, два, один — хорошо. Остался последний пучок, а потом — за ужин», — сказала я.

Я выдернула свободный пучок из последней связки горохово-зеленых нитей основы и начала продевать концы в ряды крошечных петель посередине ткацкого станка — к сестре, чтобы она завязала их с той стороны. Нити основы — это те, что будут лежать вдоль готовой ткани, и самая утомительная часть работы над новым полотном — это протягивать каждую такую нить на станок по одной. Зато, когда начинаешь вплетать поперечные нити — утók, — видишь, как под пальцами, сантиметр за сантиметром, рождается полотно, и это дает настоящее ощущение достижения. А основа... это просто нити, нити и снова нити. Я балансировала схемой узора на колене и вслух отсчитывала, через какие петельки должна пройти каждая ниточка, прежде чем попасть с моей стороны станка на сторону сестры.

Вот уже почти восемь часов, с перерывами и отвлечениями, мы возились с основой. Утром мы смотали нужное количество зеленых и шоколадно-коричневых нитей из тонкой гребенной шерсти — полосу за полосой, по цветам — на большую рамку с направляющими штырьками.

Эти штырьки удерживают нити в нужном порядке, одновременно отмеряя им одинаковую длину. К обеду мы были готовы переносить основу на станок: один конец длинного плотного пучка пряжи мы привязали к валу с одной стороны. И тут началась самая кропотливая часть: протягивать концы нитей сквозь управляющие петельки (ремизные) в центре станка на пути ко второму валу. Все было бы гораздо проще, если бы мы собирались ткать самую обычную, простую ткань. Но мы затеяли узор — тонкий диагональный рисунок, называемый саржевым переплетением, который и по сей день можно увидеть на мужских костюмах, — и потому дело продвигалось куда медленнее.

«Зачем я этим занимаюсь? — с досадой подумала я, бросив взгляд на часы. — Весь день ушел, а мы даже не начали ткать! Если бы я столько же времени ежедневно посвящала писательству, моя книга давно была бы закончена». Часто забываешь, что закладывание утка — то есть само *ткачество* — лишь половина дела. Первая половина — не менее долгая — заключается в создании, организации и натягивании на станок всей основы, фундамента будущей ткани. И вот здесь особенно чувствуется, как важен помощник: кто-то, кто будет принимать и закреплять с противоположной стороны каждый новый конец основы, избавляя от утомительного беготни туда-сюда от одного конца станка к другому. Да и просто приятнее — работать не в одиночку, а в компании, с болтовней и шутками.

По сути, мы с сестрой были участницами сцены, которая с небольшими вариациями повторялась на протяжении тысячелетий: две женщины, помогающие друг другу подготовить ткацкий станок. Станки, материалы, узоры могли меняться, но отношение женщин к своему делу — и друг к другу — оставалось неизменным.

В отличие от женщин прошлых эпох мы не ткали ткань для домашнего обихода. (Когда наша мама полвека назад

поступила в ткацкую школу в Дании, ей велели начать с дюжины простых кухонных полотенец: это был и способ набить руку, и первый вклад в приданое.) Мы также не ткали ни для продажи, ни из религиозных побуждений, ни ради искусства — других распространенных причин. Мы воссоздавали, нитка в нитку, клетчатую ткань, утерянную когда-то в соляной шахте в австрийских Альпах около трех тысяч лет назад.

Именно соль сохранила не только саму ткань, но и ее благородные зеленые и коричневые цвета. Именно цвет и привлек мое внимание в Венском музее естественной истории — цвет и те предметы, что лежали рядом с тканью. Потрепанный фрагмент, размером с раскрытую ладонь, был уложен на нововытканную полосу точно такой же ткани так, чтобы клетка совпадала по рисунку. Благодаря этому взгляд посетителя мог мысленно «продолжить» узор в обе стороны и представить, как выглядела эта древняя материя в первоначальном виде. И выглядела она ничем не хуже обычной клетчатой саржи, из которой шьют килты в Шотландии. Более того, прямо над тканью и рядом с ней висели два меховых кожаных головных убора — тоже из доисторических шахт Гальштата — совершенно той же формы, что и шотландский тэм-о-шенгер или берет из Бретани, региона на западе Франции, где кельтская культура тоже оставила яркий след.

В период между 1200 и 600 годами до н. э., когда, предположительно, была соткана эта ткань, предки кельтов обитали на территории современных Австрии, Венгрии и южной Германии. Многие из них были шахтерами, добывавшими в горах не только руду, но и соль. (Соль в ту эпоху ценилась на вес золота, ведь именно она позволяла сохранять пищу задолго до появления холодильников. Те, кто имел доступ к ее залежам, быстро богатели.) К 400 году до н. э. ранние кельты начали распространяться на запад,

переселяясь во Францию, Британию и Испанию — туда, где и поныне живут их потомки, унаследовавшие культуру, восходящую непосредственно к гальштатским горнякам. В самом прямом смысле слова я смотрела на первоисточник — на прародителя «тэма» и на древнейший образец шотландского клетчатого твида или саржи: все это создано руками прямых предков кельтов. (Слова “twill” и “tweed”, кстати, происходят от слова “two” — «два» — и обозначают особый тип переплетения, при котором нити укладываются попарно). Традиции ткани и одежды, которые сегодня ассоциируются у нас с кельтами, зародились еще в доисторическую эпоху и прошли с ними путь

Фрагмент ткани гальштатской культуры.
Хранится в Музее естественной истории в Вене.
© *Andreas W. Rausch* /
CC BY 3.0

сквозь пространство и время. Я почти десятилетие изучала скудные остатки древнего текстиля, и если в этом занятии было хоть что-то бесспорное, так это то, что традиции одежды и тканевого производства в большинстве уголков света имеют поистине глубочайшие корни. Музейная витрина говорила об этом без лишних слов.

«Вот бы мне такой шарф», — воскликнула я прямо в музее. И вот теперь, два месяца спустя, сижу дома и пытаюсь воспроизвести его по схемам из научного издания. Пришлось изрядно покопаться в каталогах товаров для ткачей, чтобы найти шерстяную пряжу точно тех оттенков и нужной толщины, да еще и чесаную, а не кардочесаную. (При чесании беспорядочные волокна выравниваются в одном направлении и в результате получается прочная, упругая нить. А вот при кардочесании волокна, словно растрепанные волосы, ложатся вразнобой и выходит мягкая, пушистая нить, как у нас в вязальных клубках. Большинство пряжи, что есть в продаже сегодня, именно такая, но сам процесс кардочесания был изобретен лишь в Средние века.) Если уж я берусь за такое дело, хочется, чтобы копия была максимально близка к оригиналу. Хотя, конечно, начни я с того, что вырастила и подстригла овцу, затем вычистила, покрасила, вычесала, прядла и ссучила шерсть, тогда день, потраченный на натягивание основы, показался бы сущей мелочью!

После ужина я села за ткацкий станок, пока семья рядом болтала о своем. Полчаса ушло на то, чтобы соткать широкую полосу однотонного зеленого цвета, которая должна была предшествовать первой коричневой полоске. Все сложности узора в технике саржевого переплетения мы заложили заранее, в том, как привязали нити основы к станку. Поэтому сам процесс ткачества теперь шел гладко и быстро. Я добралась до первых цветных полос и добавила челнок с коричневой нитью: четыре ряда

коричневых, четыре зеленых, снова четыре коричневых, четыре зеленых... Мне не терпелось увидеть, как получится клетка, и я вполголоса ругалась каждый раз, когда то один, то другой челнок с глухим стуком падал на пол. Полоски были такими узкими, что казалось пустой тратой времени каждый раз обрезать и закреплять нить после смены цвета, так что я мирилась с неудобствами. Еще четыре коричневых, еще четыре зеленых, еще один челнок упал. И вдруг меня осенило. Нам так долго пришлось возиться с протягиванием нитей основы сквозь крошечные петельки-направители на станке потому, что узор — каким бы простым он ни казался — на деле становился довольно сложным. Все дело было в том, что и цветные полосы, и переплетения шли неравномерными участками: 16 нитей, 19, 20, 18... Ни одна полоса в том направлении не состояла из точно такого же числа нитей, и добиваться нужного количества в каждой пришлось с большим вниманием. А теперь я бранилась на полоски, идущие поперек — полоски утка́, — потому что они шли аккуратненькими наборами по четыре, то есть парным числом.

Я все сделала наоборот! Если бы мои утки́ были основой, эти аккуратные четверки соответствовали бы той самой структуре, которую я знала по древнему ткацкому станку, и идеально вписывались бы в саржевый узор. Тогда натянуть основу было бы куда проще. И наоборот: если бы мои основы были уткóм, эти небольшие различия в числе нитей на каждую полосу сразу бы стали логичными: ткач не считал их точно, а на глаз определял, когда пора менять цвет.

Вместо того чтобы расстроиться из-за своей ошибки, я была в восторге. Большинство фрагментов доисторических тканей из соляных шахт Гальштата — а их сохранилось больше сотни — разорваны по всем четырем краям, так что обычно невозможно определить, в каком

направлении шло ткачество: закрытые кромки, по которым это легко понять, остаются только по бокам.

Но, пытаясь воссоздать этот фрагмент, я не только поняла, в каком направлении он был соткан, и нашла полезные критерии для анализа других образцов, но и сделала несколько интересных наблюдений о том, как работали гальштатские ткачи. В итоге ткань выглядела бы одинаково в любом случае, и время, потраченное на ошибку, оказалось вдвойне ценным. Это был еще один урок: восстановление древних предметов шаг за шагом способно пролить свет на жизнь и привычки мастеров прошлого так, как не смогут никакие теоретические рассуждения [1].

Большинство подробностей жизни доисторических женщин нам уже узнать не суждено. Слишком многое потеряно с течением времени. Даже в эпоху ранней письменной истории – в Египте, Месопотамии, Греции – лишь малая часть древних текстов была посвящена женщинам, и у нас почти нет источников, к которым можно было бы обратиться. Именно из-за этого недостатка достоверных сведений появилось немало домыслов – а порой и просто желаемого, выдаваемого за действительное – в книгах о жизни женщин в древности (если, конечно, эту тему там вообще не обходили стороной). Но в тканях – в этом мире нитей и узоров – сохранилось кое-что вполне осязаемое. Текстиль был одной из главных забот женщин, и здесь мы порой находим твердые, вещественные доказательства. Мы знаем, например, что женщины иногда помогали друг другу в ткачестве – точно так же, как это было в сцене со мной и сестрой. Иногда в древней ткани встречается переплетение утка в середине полотна, и это может означать только одно: двое ткали одновременно, передавая друг другу челнок, каждый – со своей стороны. Это совсем крохотная деталь, но именно в своей обыденности она

Элизабет Уэйленд Барбер

Связанные одной нитью **Женщины, ткань и общество в Древнем мире.** **Первые 20 000 лет**

Ответственные редакторы *М. Терехова, Е. Солодовникова*
Выпускающий редактор *А. Кочкина*
Редактор *И. Якимова*
Художественный редактор *О. Жукова*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *Н. Иванова, Н. Быкова*
Верстка *Л. Харченко*

В оформлении обложки использованы иллюстрации Shutterstock.com: © LukeProject;
© Karuntana999; © NadM07, а также © Ismoon / WikimediaCommons / CC BY-SA 4.0

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 25.11.2025.
Формат 60×88^{1/16}. Гарнитура «NewBaskerville». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,51.
Тираж 2000 экз. М-FEM-38146-01-R. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» –	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
обладатель товарного знака Колибри	Колибри тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)

